
ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ

Виктория МАЛКИНА

РАЗГОВОР С ИСТОРИЕЙ

«Не ждите от истории ответа» — так начинается одно из стихотворений А. Городницкого. И вправду, ничего готового — ни ответов, ни истин, ни правил — история сама по себе не расскажет. Но, как с поначалу незнакомым человеком, с ней можно разговаривать, ей можно задавать вопросы, о ней можно думать, и ее можно любить. Тогда, вполне возможно, она тоже начнет разговаривать с нами и уже не будет пугающим незнакомцем или перечнем труднозапоминаемых фактов: знакомство с историей станет интересным и душевным разговором. Именно такой разговор происходит в книге «Океан времен», недавно вышедшем сборнике написанных в разные годы стихов и песен Александра Городницкого¹.

Включающая больше пятисот произведений, книга состоит из десяти разделов, посвященных разным периодам мировой и российской истории. История понимается Город-

Малкина Виктория Яковлевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

¹ Городницкий А. М. Океан времени: стихи и песни о русской и мировой истории. — СПб., 2020. — 576 с.

ническим широко и в полном соответствии с современной наукой: не только (и не столько) перечень дат, войн, революций и правителей, а «все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается»², как писал выдающийся французский историк, основатель школы «Анналов» Марк Блок. Это — так называемая «тотальная» история (*une histoire «totale»*), включающая в себя и жизнь царей, и жизнь обычных людей, и создание государств, и создание картин, и масштабные события, и небольшие происшествия, и факты, и мифы — словом, все то, что позволяет нарисовать не один лишь передний план картины истории, но придать ей подлинную глубину и широту.

Отсюда удивительно точный образ *Океана времен*, давшего название книге. В предисловии А. Городницкий пишет о державинской «Реке времен», которая в свое время произвела на него сильное впечатление и стала одним из источников заглавия. Вторым, очевидно, является непосредственно океан — как место многолетней работы А. Городницкого. Будучи (в том числе) ученым-океанологом, он лучше нас знает о свойствах океана, его взаимодействии с сушей, и воздухом, глубинных течениях и скрытых тайнах. Река, как известно, течет в одном направлении — от истока к устью; так и «река времен» движется от рождения человека к его смерти. А в океане движение воды подчиняется множеству разных факторов, у него нет единственного русла. Так и в истории: люди и события, места и времена, искусство и наука — все образует общий взаимообусловленный, но в то же время полный случайностей мир прошлого (а также связанных с ним настоящего и будущего), погрузиться в который нас приглашает новая книга Александра Городницкого.

Первый раздел, «Муза истории», посвящен истории как таковой, в разных ее значениях: как науке и как повествованию, а также общим закономерностям и процессам, в ней протекающим. Здесь закладывается фундамент понимания истории как соединения правды и вымысла, фактов и мифов. В первом же стихотворении вместо обращения к музе поэзии поэт обращается к музе истории:

Муза истории Клио,
Труд не кончается твой.
(«Муза истории»)

Вслед за ней лирический герой переходит по временной шкале от прошлого через настоящее к будущему и обратно, и это словно бы свернутый сюжет книги в целом. В этом непрерывном процессе и бесконечном океане времен (стихотворение, давшее название всей книге, также входит в данный раздел) лирический герой находит и свое место как одного из многочисленных звеньев одной и той же цепи:

Я не сам по себе — я лишь тень отдаленного предка.
Постоянно мне кажется — с ним я один человек.
Я на дереве общем всего лишь случайная ветка,
От которой появится новый зеленый побег.
(«Тени предков»)

История предстает не только как цепь войн, но и как цепь вопросов, которые она ставит перед нами:

Велел ли Михаил Романов
О прошлом летописи сжечь? <...>
Послал ли Ленин телеграмму,
Чтоб жив остался Гумилев? <...>

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Пер. Е. М. Лысенко; прим. А. Я. Гуревича. М.: Наука, 1973. С. 38 (Памятники исторической мысли).

Травил ли Моцарта Сальери?
Кто утопил подлодку «Курск»?
(«История»)

Нерасторжимой частью истории оказываются мифы и легенды, в которые верят (чаще даже больше, чем в факты и документы), и именно мифы составляют важную часть следующего раздела, «Геркулесовы столбы», посвященного древней истории, от диплодоков в Музее истории мира до гибели Помпеи. Здесь две основные части — история библейская и история античная, мифы Ветхого Завета и мифы Древней Греции, которые составляют основу европейской культуры:

Сквозь бури времени и штиль
Уводят через рифы
Библейских прорицаний быль
И греческие мифы.
В небесной растворился мгле
Их неизвестный автор.
Они дорогу на Земле
Указывают в завтра.
(«Библейские мифы»)

Читайте мифы древних греков, —
Там все написано уже.
Судьба души твоей и тела —
Лишь повторенное кино,
Лишь вариация на тему,
Уже известную давно.
(«Мифы Древней Греции»)

Одиссей, Каин, Ахилл, Лот, Сизиф, Ной, Аристотель, Самсон, Софокл, Митридат, Давид, Овидий, Иосиф Флавий и другие — для нас не просто оживают, но разговаривают, думают, чувствуют, помогая через прошлое подумать о настоящем.

Отдельный цикл здесь составляют стихи и песни, посвященные Моисею: «Отпусти мой народ», «Скрижали», «Саранча», «Моисей», «Монолог Моисея», «Гиперборей, уноси нас к другим берегам...», «Исход», «Долина Муса-Вади». Фактически библейская история Исхода у А. Городницкого становится одним из ключей к осмыслению катастроф XX века:

Сорок лет вожу народ я по пустыне,
Чтобы вымерли родившиеся в рабстве...
(«Монолог Моисея»)

А это значит, Моисей напрасно
Водил народ в пустыне сорок лет:
Повымерли родившиеся в рабстве,
Но ничего не изменилось, нет.
И призывают повернуть обратно,
Отыскивая в прошлом идеал,
Уже не те, кто пережили рабство,
А те, кто рабства этого не знал.
(«Исход»)

Связанная с Исходом тема судьбы еврейского народа и холокоста занимает важное место в третьем разделе, «Горящий Нотр-Дам», посвященном европейской истории. Она осмысливается здесь в первую очередь как история культуры — отсюда стихи, посвященные писателям, художникам и музыкантам: Брейгелю, Камозэнсу, Рембрандту, Мольеру, Родену, Баху, Ван Гогу, Модильяни и многим другим, ведь «Все временно, и Первый райх, и Третий, / Бессмертны только кисть или перо» («Камиль Писарро»).

Впрочем, переломные события — такие, как взятие Бастилии и наполеоновские войны, — конечно, тоже присутствуют. Но и они часто осмысляются через призму искусства. Так, образ Наполеона мы (вместе с лирическим героем) видим на картине А.-Ж. Гро («Наполеон на Аркольском мосту») и в книге Евгения Тарле («Наполеон»).

И всегда история рассматривается как неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего. «Ночной дозор идет по Амстердаму» через века, постоянно, в любое время года, «как проходил столетия назад» («Ночной дозор»). Через время рисуется и пространство — Венеция, Париж, Кронбург, Ницца, Кёльн оказываются точками, где виден ход истории:

Венеция — это вода и стекло,
Изгиб голубых изолиний
И время, которое не утекло,
Поскольку осталось в заливе
У скал Сан-Микеле...
(«Венеция — это вода и стекло...»)

И так же, как времена, пространства начинают взаимодействовать и объединяться друг с другом, за счет ассоциаций и раздумий лирического героя: Венеция вызывает воспоминания о Петербурге («Венеция»), картина «Возвращение блудного сына» — о северных лагерях («Рембрандт»), Баден — о Достоевском («Осень в Бадене»), а памятник Гейне в Гамбурге — о памятнике Гоголю в Москве («Бронзовый Гейне»).

Складывается общее пространственно-временное поле истории Европы. И важной ее частью оказывается история европейского еврейства. Будучи частью общей культуры (как Гейне или Фейхтвангер), евреи тем не менее всегда были в изоляции, пока их европейская история не закончилась холокостом:

Лежат, в чужих не выжив войнах,
От жаркой Родины вдали
Двенадцать ярусов покойных
На пяточке чужой земли,
Где им и пяди не уступят.
И зябко делается нам
В местах, где труп лежит на трупе,
Подобии расстрельных ям,
Куда в последней тяжкой муке
В года грядущие и дни
Потом их правнуки и внуки
Вповалку лягут, как они.
(«Еврейское кладбище в Праге»)

При этом холокост оказывается катастрофой не только для евреев, но во многом и для Европы в целом. И если второй раздел книги заканчивается гибелью Помпеи, то третий — образом горящего собора Парижской Богоматери («Горящий Нотр-

Дам» и «Воды Леты текут устало...»), сравниваемого со сгоревшим же иерусалимским храмом и пожарами войн, что, кажется, рисует мрачные перспективы для европейской культуры:

Разрушенье суля городам,
Вызывая испуганный ропот,
Над Парижем горит Нотр-Дам —
Поминальной свечой для Европы.
(«Горящий Нотр-Дам»)

Следующий раздел, «За этой Красною стеной», посвящен истории Руси, «От Гостомысла до Петра», и освещает, кажется, все значимые события русской истории: рождение и закат Киевской Руси, Ледовое побоище, град Китеж, крещение Руси, правление Ивана Грозного, Смутное время. Но и здесь история связана с культурой и искусством: образы Александра Невского, Владимира, Марфы-Посадницы чередуются с обращениями к Бояну, скоморохам и былинам; Ивана Грозного мы видим на картине И. Репина, а князя Меншикова — на полотне В. Сурикова. Последние произведения — «Закат Московского царства» и «Песня о Кремле» — логически завершают период древнерусской истории.

В следующем разделе («Дворец Трезини») начинается новый этап: петровский и петербургский. Здесь собраны произведения, посвященные российской истории XVIII века, от Петра до убийства Павла I. Здесь в центре уже не столько события, сколько люди: Петр I, Меншиков, Ганнибал, Петр III, Пугачев, княжна Тараканова, Екатерина II. И вместе с ними — Новиков, Фонвизин, Державин. Если в предыдущем разделе речь шла о древнерусской поэзии («Старорусская поэзия»), то теперь мы видим рождение новой русской поэзии («Язык русской поэзии»).

Не случайно в шестом разделе («Около площади») основная часть произведений посвящена уже Золотому веку русской поэзии, Пушкину и декабристам. История и поэзия окончательно оказываются неразделимы, как связаны они были для Пушкина и его современников. И как стихотворения о библейском Исходе оказывались одновременно стихотворениями о современности, так и тут: песня о восстании декабристов, на самом деле, не только о нем:

Мысли горячие, мысли отважные,
мысли преступные.
Вот она — рядом, доступная каждому
и — недоступная.
Днями-неделями выйти не смели мы, —
время нас не щадит.
Вот и остались мы, вот и состарились
около площади...
(«Около площади»)

Лирический герой видит события одновременно и из прошлого, и из будущего: и зная, что произошло потом, и останавливаясь в тех точках времени и пространства, где пока еще не случилось ничего страшного, где «Пока нутро не прожигает / Дантесом посланный свинец» («Тригорское»), «И не написана пока еще „Полтава“, / И „Голунова“ нет в черновиках» («Мойка, 12»).

Здесь перед нами появляются не только поэты пушкинской плеяды, но и Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Некрасов, Тургенев, Достоевский, Надсон, Леонтьев, Анненский, Чехов — вся русская литература до начала XX века.

«Дальше — революции, и войны, / И закаты в огненной крови» («Чехов»), следующий раздел («Между Первой и Второй мировой») и начинается со стихотворения «Первая мировая», с начала трагической истории XX века, которая уже преподавала главный, но, увы, неувоенный урок:

И ясно, даже в первом приближенье,
 На чьей ты ни воюешь стороне,
 Что все там потерпели поражение,
 А победивших не было в войне.
 (*«Первая мировая»*)

И снова — взгляд лирического субъекта одновременно из разных эпох, видение прошлого и знание будущего:

И не знает закройщик из Люблина,
 Что сукно не кроить ему впредь,
 Что семья его будет загублена,
 Что в печи ему завтра гореть.
 И не знают студенты из Таллина
 И литовский седой садовод,
 Что сгниют они волею Сталина
 Посреди туруханских болот.
 (*«Вальс тридцать девятого года»*)

Революция, Гражданская война, расстрелы, конец Серебряного века, «философский пароход», гибель Гумилева, самоубийство Маяковского, репрессии, ГУЛАГ, война в Испании, Финская война — таков исторический путь к середине века и Второй мировой войне, которой посвящен восьмой раздел книги, «Ленинградские дети рисуют войну». Уже по названию понятно, что сюда вошли стихи не только о самой войне, но и о ее более позднем осмыслении и уроках.

В центре тут — люди, погибшие, выжившие, оплакивающие утраты, сохраняющие историю и память; конечно, ленинградская блокада и эвакуация, пережитые в детстве Городничким; поэты, писавшие о войне. Именно благодаря искусству в первую очередь «будет помниться война» не как перечень дат и цифр, а как боль и горе каждого отдельного человека.

И соседствуют мирно на белом листе
 Над весенней травой короткой
 И немецкая каска на черном кресте,
 И звезда под пробитой пилоткой.
 (*«Ленинградские дети рисуют войну»*)

Следующий раздел, «На пороге третьего тысячелетия», словно бы подводит итоги тысячелетиям предыдущим, объединяя многие уже встречавшиеся мотивы: Исход («На пороге третьего тысячелетия»), Петербург («Прощание с Питером»), холокост («Чувство вины»), поиск лирическим героем собственной идентичности («Отыскать пытаюсь родной народ свой...»), образ истории как таковой («Как прежде, незлопамятен народ...», «Не надо монументы разрушать...»). Есть здесь и важные события, такие, как «дело врачей», оборона Белого дома, гибель «Курска», теракт 11 сентября и эхо войны, точнее, всех войн — «От германской до афганской, / От афганской до че-

ченской» («Над прострелянную каской»). Вслед за Гюго, который в «Соборе Парижской Богоматери» рассуждал о смене эпох, когда книгопечатание убивает архитектуру как главное хранилище памяти и культуры, лирический герой Городницкого говорит о следующей стадии в истории:

Кончилась эпоха Гутенберга,
 Ей дороги в будущее нет.
 Книги окончательно, наверно,
 Вытеснит назавтра Интернет...
 («Кончилась эпоха Гутенберга»)

Здесь одновременно взгляд в прошлое и в будущее, попытка увидеть, что будет дальше. И наверное, это «дальше» показалось бы довольно безрадостным, если бы не то, что последний раздел книги называется «И жить еще надежде». Тут замыкается композиция книги: вновь, как в начале, присутствуют размышления о Родине, истории, памяти, языке, литературе. Лирический герой снова проживает тысячелетия мировой истории и культуры, читая книги, рассматривая картины, обретая и давая надежду.

Завершается раздел и книга в целом знаменитыми «Атлантами», неофициальным гимном Санкт-Петербурга и официальным — Эрмитажа. И эта песня — не только о Петербурге и Эрмитаже и даже не только об Атлантах, будь то мифологический образ или его воплощение в скульптуре. Она — о людях вообще и обращена к людям, точнее, к каждому человеку в отдельности. И говорит это обращение о том, что наша опора — в нас же самих, в том, что создано и сделано человечеством, в культуре, искусстве, памяти, преемственности, истории. Океан времен, созданный в поэтической книге А. Городницкого, по сути, еще одна такая опора, поэтически осмыслившая и осветившая главное во всемирной истории.

То, что «Океан времен» больше чем просто сборник стихов, говорят в том числе обрамляющие книгу статьи. Это, во-первых, вступительные слова автора, в которых он пишет о своем интересе к истории, возникшем еще в школьные годы и прошедшем через всю его жизнь. Во-вторых, предисловие выдающегося историка Натана Яковлевича Эйдельмана к книге А. Городницкого «Перелетные ангелы», в котором он размышляет о связи истории и поэзии и находит в них точки сближения, говоря о том, что субъективное переживание истории в художественном произведении так же необходимо, как и знание исторических фактов. И в-третьих, послесловие другого замечательного историка, Якова Аркадьевича Гордина, который хоть и говорит о взаимодополнительности истории-поэзии и истории-науки, скорее склонен противопоставлять их, чем сближать. Эти статьи создают два берега, между которыми существует поэтический океан истории А. Городницкого.

Между тем Я. А. Гордин не только написал послесловие к книге «Океан времен», но и подготовил новое издание статей Н. Я. Эйдельмана³. Эти пересечения, конечно, не случайны. Эйдельмана и Городницкого связывала не только многолетняя дружба. Для них обоих также свойственно понимание истории как захватывающего до глубины души предмета для изучения и художественного осмысления. Эйдельмана в одной из статей называли «бардом истории»⁴ — и это наименование вполне справедливо и для Городницкого. Да, история сложна и противоречива, но она в первую очередь

³ Эйдельман Н. Я. «Сказать все...»: избранные статьи по русской истории, культуре и литературе XVIII—XX веков / сост. Ю. Мадоры; предисл. Я. Гордина. М.: НЛО, 2021. 400 с. (Гуманитарное наследие).

⁴ Остерман Л. Бард истории // Наука и жизнь. 2005. № 9. <https://www.nkj.ru/archive/articles/1765/> (дата обращения: 09.07.21).

интересна и увлекательна. Благодаря книгам Эйдельмана многие пришли к исторической науке. Думается, стихи Городницкого также смогут пробудить интерес к истории и желание узнавать о ней все больше и больше.

По сути, А. Городницкий создал свою собственную поэтическую историю мира, из которой можно что-то почерпнуть, о чем-то задуматься, где-то улыбнуться или погрузиться — но вряд ли остаться равнодушным. В его истории соединяется общее и личное, легендарное и документальное, лирическое и эпическое, прошлое и настоящее, страшное и смешное; но, самое главное, там есть *понимание* истории.

Уже упоминавшийся нами Марк Блок говорил о необходимости *понять настоящее с помощью прошлого и понять прошлое с помощью настоящего*⁵. Для этого нужны не отдельные фрагменты, а общая картина истории как непрерывного процесса, сложных взаимодействий и течений. Именно это и делает А. Городницкий в своей книге стихов: поэзией он создает океан истории, со своими течениями, глубинами, островами и героями, помогая увидеть картины прошлого, почувствовать ход истории и, быть может, найти свое место в ней: «История — не „где“ или „когда“. / История скорее „почему“» («Припомним позабытые года...»).

Более того: за сухими историческими датами и цифрами (которые мы знаем из учебников и энциклопедий) его стихи помогают увидеть живых людей, их чувства и эмоции; так рождается не только понимание прошлого, но и сопереживание, сочувствие, эмпатия. Потому что одно дело просто знать про десятки миллионов погибших, и другое — увидеть конкретных людей и их судьбы, вдуматься, вчувствоваться в них: в невозможность переписать историю, спасти, защитить, помочь — будь то Пушкин, «Джон Томпсон, лейтенант», Анна Франк, декабристы, евреи, сгоревшие в Освенциме, ленинградцы, умершие в блокаду. Но то, что не может сделать история, делает поэзия. В стихотворении «Марк Шагал» говорится, что художник, рисуя своих персонажей, «хотел их спасти, забирая к себе на полотно, / Только всех на полотно забрать он, конечно, не мог». Однако кого-то он все-таки спас, сохранив для нас на своих картинах, и там они будут жить вечно; точно так же будут жить люди, о которых пишет Городницкий: человек живет, пока жива память о нем, и искусство эту память создает, передает и хранит.

Возникает, однако, закономерный вопрос: а можно ли все-таки изучать историю по художественной литературе — например, по книге А. Городницкого? Наверное, если цель — сдать школьный тест или ЕГЭ, то это не оптимальный путь. Но обязательно нужно идти (в том числе) именно им, если хочется, вслед за чеховским студентом, увидеть историю как *непрерывную цепь событий*, почувствовать собственное прикосновение к ее звеньям, не просто узнавать факты, но понимать историю и научиться разговаривать с ней.

⁵ Блок М. Указ. соч. С. 25–29.